

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ» В ФИЛОСОФИИ А. ДАНТО*

А. А. Аванесян

ФКУ НИИИТ ФСИН России (Тверь)

Поступила в редакцию 1 июня 2022 г.

Аннотация: в работе рассматривается аналитическая концепция философии истории А. Данто. Выделены ключевые положения, на которых выстраивается нарративная теория исторического познания. Подчеркивается важность анализируемой американским философом проблемы взаимосвязи опыта и языка в контексте эпистемологии истории. Делается вывод о формировании в рамках нарративного подхода особого понимания концепта «исторический опыт», подчеркивающего своеобразие исторического способа познания.

Ключевые слова: философия истории, аналитическая философия, исторический опыт, нарратив.

Abstract: the article discusses analytical concept A. Danto's philosophy of history. The work highlights the key aspects on which the narrative theory of historical knowledge is built. The importance of the problem of the relationship between experience and language analyzed by the American philosopher in the context of the epistemology of history is emphasized. The conclusion of the article focuses on the formation of a specific understanding of the notion of historical experience, within the framework of the narrative approach, in which the originality of the historical method of cognition is manifested.

Key words: philosophy of history, analytic philosophy, historical experience, narrative.

Заметное влияние на развитие аналитической философии истории оказала интерпретация данной проблематики Артуром Данто. Применяя разработанный в англо-американской философской традиции аналитический инструментарий к исследованию проблемы специфики исторического познания и возможности достижения достоверного знания о прошлом, исследователь сформулировал нарративистскую доктрину философии истории, центральное место в которой уделяется историческому тексту как способу постижения прошлого. Сущность своего подхода к философской работе при этом А. Данто усматривает в возможности аналитически редуцировать предмет исследования к составным частям, понимание которых по отдельности призвано способствовать достижению целостного знания о нем [1, с. 120]. Этот метод основывается на анализе используемых концептов для прояснения их значений, что А. Данто возводит к традиции сократических диалогов [2, р. 73]. На практике это

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00406-А «Пост-классическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого».

выражается в анализе различных способов применения исследуемых понятий, что неизбежно концентрирует внимание на лингвистической стороне познания и тексте как пространстве выражения знания.

Данная эпистемологическая доктрина предлагает рассматривать успешное познание как результат приложения семантических средств выражения к явлениям действительности, которые, как мы можем испытать на опыте (*experience it*), соответствуют условиям, при которых эти средства познания обладают смыслом [3, р. 203]. Таким образом, теория познания А. Данто сохраняет представление о референциальности языковых средств выражения знания, что одновременно актуализирует вопрос о соотношении языка и опытного восприятия реальности. С точки зрения А. Данто, восприятие (*experiencing*) реальности, каковым язык опосредуется с окружающим миром, радикально отлично от мира как воспринимаемого явления [*ibid.*, р. 208]. Между языком и миром в этом смысле выявляется некое пространство, разрыв, само наличие которого задает возможность установления связи между ними. Познание логически зависит от этого разрыва, без которого у нас бы остался только набор слов, без возможности их приложить к чему-либо, и предметы действительности, ничего нам не говорящие – пустые и темные [*ibid.*, р. 231]. Реальность наделяет слова значением, а язык, в свою очередь, позволяет понять и объяснить реальность, наделяя воспринимаемые явления смыслом. Логика языка не повторяет каузальных связей действительности, но только семантические конструкции, выстроенные на ее основе, формируют понимание явлений реальности и взаимозависимости между ними.

В этом проявляется фундаментальный реализм философской позиции А. Данто, которая сохраняется и при рассмотрении исторической проблематики [4, с. 182]. Сам философ определяет свое исследование по философии истории как дескриптивную метафизику истории [5, xv], имея в виду историю именно как форму познания, а не процесс становления общества. Метафизический подход к сущности исторического становления для А. Данто неприемлем. Он резко критикует субстанциальные модели философии истории за увязку прошлого настоящего и будущего единой структурой объяснения. Субстантивное объяснение исторического становления предполагает знание будущего развития – последствий тех событий, которые могут быть наблюдаемы в настоящем или выделены в прошлом, т. е. того, что не может быть доступно историку в момент его работы. А. Данто формулирует эту принципиальную ошибку как попытку дать описание событий в той форме, в которой они не могут быть описаны в момент, когда они описываются [*ibid.*, р. 14]. Этот пункт приобретает особую важность в контексте предложенной им стратегии философского осмысления истории, поскольку концентрирует внимание на центральном значении временной организации познания прошлого. Претензия субстанциальной философии истории на понимание исторического развития как целостности, включая и то, что еще не произошло, выявляет ее несостоятельность постольку, поскольку отно-

шение прошлого к будущему является сущностным аспектом истории как формы знания.

Понимание того, как должна быть осмыслена взаимосвязь прошлого с настоящим и будущим, помогает развить теорию постижения прошлого. А. Данто усматривает ключевую особенность исторического познания именно в том, что оно исследует свой предмет ретроспективно. Значение события проявляется во взаимосвязи с другими событиями, в особенности с теми событиями, которые стали его последствиями. Нередки ситуации, когда смысл события в принципе не может быть понят в момент его наступления: в 1618 г. никто не мог бы знать, что началась Тридцатилетняя война [ibid., p. 152]. В этом отношении невозможность наблюдать исследуемые события непосредственно предстает не недостатком, а принципиальной основой, без которой невозможен исторический способ познания. Историк обладает преимуществом, которого нет и не может быть у очевидца, даже если этот очевидец является идеальным хронистом и в точности фиксирует каждое происходящее событие, историк видит событие во временной перспективе.

Опыт очевидца события принципиально отличен от опыта историка, изучающего то же самое событие. Чтобы наблюдать событие так, «как оно происходило на самом деле», историку нужно забыть свои знания о нем, возможно, именно те знания, которые и мотивировали его обратиться к изучению этого события [ibid., p. 159]. Таким образом, именно эпистемологическая недоступность прошлого, невозможность стать очевидцем интересующих событий, закладывает основу формы познания, которая реализуется историческим исследованием. Важным элементом этих рассуждений представляется анализ взаимосвязи опыта как способа восприятия мира и языковых средств выражения познания. А. Данто подчеркивает темпоральный характер опыта, который, оставаясь опытом настоящего, не может не включать в себя знание прошлого, которое само по себе не является предметом, доступным к актуальному восприятию в настоящем [ibid., p. 92–93]. Знание прошлого формирует контекст, в котором проявляется настоящее: очевидец понимает наблюдаемые им события, увязывая их с тем, что было ранее. Эта связь предполагает некоторую структуру выражения. Восприятие настоящего определяется тем, как человек понимает прошлое, опыт восприятия настоящего как бы вписывается в рассказываемую историю, в структурируемый языковыми средствами временной ряд. Лингвистические средства оказываются необходимой составляющей понимания, работа которой опять-таки реализуется постольку, поскольку между языком и действительностью есть разрыв.

Работа историка осуществляется схожим образом: он тоже формирует временной ряд событий, увязывая их между собой. Отличие заключается в том, что при обращении к прошлому для историка каждое исследуемое событие является частью прошлого, недоступного для непосредственного восприятия. Рассматривая то же событие, которое для очевидца было бы настоящим, историк может связать его во временном ряду с событиями,

которые по отношению к очевидцу были бы будущим. Такая стратегия организации познания дает действенный ресурс для объяснения прошлого. Однако поскольку нацелена она на прошлое, то полностью реализуется языковыми средствами. События, которые нужно объяснить, и события, связью с которыми они объясняются, предстают частями одного повествования [6, р. 15]. Вместе с тем опыт, с которым историк подходит к анализу прошлого, также формируется исторически. Уникальность исторического опыта в этом отношении, заключается в том, что познание прошлого, а именно тот способ, которым историк отбирает события и связывает их между собой, определяется приобретенным историком жизненным и профессиональным опытом. Работа историка исторически фундирована, будучи локализована в конкретной точке пространства и времени. Он не может объяснить событие прошлого, связывая его с такими событиями, которые ему неизвестны или еще неизвестны. Это фактически означает, что исторический способ познания в основе своей предполагает неизбежное переосмысление прошлого, формирование новых пониманий случившегося в контексте новых знаний. Своеобразие исторического опыта характеризуется тем, что новый опыт, приобретаемый в настоящем, приводит к изменению представления о том, что принадлежит прошлому и, по сути своей, уже не может измениться.

Решение главной задачи историка – формулирование истинных утверждений о прошлом [5, р. 26] – с необходимостью требует знаний, которые могут быть получены только в будущем по отношению к событию. Фактически понимание прошлого ограничено незнанием будущего [ibid., р. 115]. Этот ход рассуждений приводит А. Данто к формулированию идеи о том, что исторический нарратив не выражает средства объяснения, но сам является средством объяснения прошлых событий. Поскольку историк имеет дело с теми событиями, которые уже не могут быть частью современного опыта, единственным способом восприятия их оказывается рассказ, в котором они описываются. Способ построения рассказа, характер аргументации, отобранные события, посредством которых выстраивается объяснение, в конечном итоге и формируют понимание того, что произошло в прошлом. Постигание прошлого реализуется нарративно [1, с. 145]. Так, А. Данто подходит к формулированию основополагающего концепта предложенной доктрины аналитической философии истории – понятия «нарративное предложение», выражающего тип высказываний, которые одновременно дают описание и, через него, объяснение события прошлого, ввиду чего логика нарративного объяснения схожа с логикой каузального объяснения [4, с. 186]. Нарратив позволяет связывать события между собой как причины и следствия.

В таком подходе к пониманию сущности исторического познания выделяются две важные особенности. С одной стороны, нарративное объяснение прошлого никогда не может быть абсолютно полным и окончательным, поскольку, как на этом настаивает А. Данто, абсолютно полное описание прошлого с необходимостью требует абсолютно полного описания будущего (ввиду того что значение событий проявляется в полной

мере только в контексте будущего развития) [5, р. 142]. А это значит, что историческое познание всегда до некоторой степени неопределенно и вероятно. С другой стороны, нарратив не повторяет в точности структуру явлений действительности, не является ее точным «слепок» [1, с. 146], что определяется разрывом между языком и миром, – историк описывает прошлое теми лингвистическими средствами, которые есть в его распоряжении. Эти обстоятельства задают определенного рода свободу исторического способа познания, который зависит от воображения, опыта, профессиональных навыков, взглядов и личных особенностей историка. В том числе и сам предмет познания исторического исследования предстает таким, каким его описывает исследователь. Можно сказать, что нарратив конструирует исследуемое событие, предлагая определенное его описание [6, р. 17].

Развиваемый в этом направлении анализ функционирования исторического нарратива логически приводит к выводу о принципиальной вариативности познания прошлого. А. Данто пишет о том, что априори не может быть установлен лимит на количество нарративных предложений, каждое из которых истинно описывало бы одно и то же событие [5, р. 167]. Исследуемый объект может быть включен в различные временные ряды, охарактеризован с различных позиций, ему могут быть даны различные оценки. Это относится и к стратегии аргументации, к применяемому историком способу доказательства. Такая позиция позволяет А. Данто, помимо прочего, отстаивать допустимость использования модели охватывающих законов К. Гемпеля. В соответствии с предложенной точкой зрения используемые средства исследования или объяснительные стратегии определяются не столько сущностью предмета, сколько стилем его описания: существуют описания, которые предполагают охватывающие законы, и описания, которые не предполагают возможности их применения, но даже если изложение некоторого явления изначально не предполагает применимости охватывающих законов, его всегда можно заменить таким, которое требует закона, и наоборот [ibid., р. 218]. Ресурсы нарративного изложения позволяют использовать любую объяснительную стратегию, вовлекая ее в целостность текста. Применяемый историком способ получения знаний и аргументации предстает, таким образом, составным элементом выразительных средств исторического повествования.

Предложенный А. Данто вариант осмысления проблемы исторического познания характеризуется особым вниманием к вопросу взаимосвязи между опытом восприятия и языковыми средствами выражения. Этот анализ формирует представление об историческом опыте как своеобразном способе осмысления связи прошлого, настоящего и будущего. Историческое познание оказывается привязанным к ситуации настоящего и изменчивым в контексте изменения позиции, с которой оно реализуется. Изменение настоящего приводит к изменению взгляда на прошлое, смысла, которым оно может быть наделено. Нарративистская парадигма исторического исследования представляет познание прошло-

го многогранным, принципиально незавершенным, открытым к изменениям процессом, укорененным в самом историческом процессе.

Литература

1. *Ануфриева К. В.* А. Данто : наррация и исторические миры / К. В. Ануфриева // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2018. – № 2. – С. 144–156.
2. *Danto A. C.* Remarks on Art and Philosophy / A. C. Danto. – N. Y. : Acadia Summer Arts Program. 2014. – 147 p.
3. *Danto A. C.* Analytical Philosophy of Knowledge / A. C. Danto. – Cambridge : Cambridge University Press. 1968. – 296 p.
4. *Потамская В. П.* Историческое познание и нарратив в философии А. Данто / В. П. Потамская // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2017. – № 1. – С. 180–190.
5. *Danto A. C.* Narration and Knowledge / A. C. Danto. – N. Y. : Columbia University Press, 1985. – 399 p.
6. *Roth P. A.* Analytic Philosophy of History : Origins, Eclipse, and Revival / P. A. Roth // Graduate Faculty Philosophy Journal. – 2016. – Vol. 37, № 2. – 24 p.

ФКУ НИИИТ ФСИН России (Тверь)

*Аванесян А. А., кандидат философ-
ских наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: artemavanesian@yahoo.com*

FKU NIIT FPS of Russia (Tver)

*Avanesyan A. A., Candidate of Philo-
sophical Sciences, Leading Researcher
E-mail: artemavanesian@yahoo.com*